

УСПЕХИ И ПРОСЧЁТЫ В ИЗУЧЕНИИ РЕВОЛЮЦИИ 1917 ГОДА В РОССИИ

И. М. Пушкарёва

Институт российской истории РАН

Аннотация. Анализируя особенности изучения революции 1917 г. в России в основном в отечественной историографии, автор подчеркивает важность изучения массового протестного движения для понимания причин революционного взрыва. Данное направление исследований было необоснованно отодвинуто в тень с начала 1990-х гг. При этом подчеркивается, что как характер революции, так и возможность разрешить противоречия неревлюционным путём были обусловлены политикой высшей государственной власти, особенно начиная с 1916 г.

Ключевые слова: революция 1917 г., Россия, историография, массовое протестное движение, рабочий класс.

Copyright: © 2017 Пушкарёва. Данная работа публикуется онлайн в сетевом научном журнале открытого доступа “Tractus aevorum” на условиях лицензии Creative Commons Attribution License, которая позволяет другим распространять эту работу с обязательным указанием ссылок на ее автора и оригинальную публикацию.

Адрес для корреспонденции: И. М. Пушкарёва, Институт российской истории РАН. Россия, 117036, г. Москва, ул. Дмитрия Ульянова, д. 19. E-mail: pushkarev[at]mail.ru

ACHIEVEMENTS AND FAILURES IN THE STUDY OF THE RUSSIAN REVOLUTION OF 1917

I. M. Pushkareva

Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences

Abstract. In this analysis of domestic historiography of the 1917 Revolution in Russia the author highlights the importance of mass popular protests in understanding the causes of this crucial event, while noting that this aspect has been unreasonably neglected by Russian historians since the early 1990s. She argues that both the character of the Revolution and the chances for a peaceful settlement of conflicts in Russian society depended on the policy of top state authorities, especially from 1916 forward.

Keywords: Russian Revolution of 1917, historiography, mass protest movement, working class.

Столетний юбилей революции 1917 г. закономерно вызвал повышенный интерес к ней и лавину литературы на эту тему. Были подведены предварительные итоги исследований, при этом особое внимание уделялось предпосылкам революции. Новые работы в отечественной и зарубежной историографии позволяют сравнить внутреннее положение, сложившееся во время Первой мировой войны в России и в других воюющих странах: состояние государственного сектора экономики, процессы, обусловленные социально-экономической политикой правительства, уровень противоречий между правительством и обществом (см., напр., Петров 2017).

Надо сказать, что существует расхождение в истолковании понятия «общество», что небезразлично в научном отношении при объяснении причин революции. Порой под данным термином подразумеваются только образованные и состоятельные люди, включая финансовых и банковских воротил (то есть, говоря «общество», имеется в виду «образованное общество»). Однако российские энциклопедии начала XX века свидетельствуют о том, что в то время понятие «общество» включало в себя и народ.

Бесспорно, нужно искать глубинные причины русских революций в успехах российской модернизации с сопутствовавшими ей трудностями перехода от традиционного общества к индустриальному. Но в этих глубинах сегодня потерян народ, массы как активные участники общественного процесса.

Сегодня многие российские историки считают, что *«толчком»* к «фатально революционному взрыву» явилась «взрывчатая смесь воинствующего национализма, ксенофобии и шпиономании» (см., напр., Колоницкий 2010). Не отрицая широкого распространения этих явлений в общественной жизни России, заметим, однако, что к 1917 г. в условиях затяжной войны вряд ли можно ограничиться только ими, говоря о причинах революции.

Авторы новейших работ как-то упускают из виду, что *движущей силой*, приведшей к революционному взрыву, явилось усиление массового протестного движения. Рост соответствующих настроений в широких массах, подогревавших эти протесты, констатировался современниками, особенно сильно опасавшимися такого взрыва. Каким он мог быть: социальным, или политическим, или его можно было избежать вообще в феврале 1917 г. – зависело всецело от высшей государственной власти, от ее политики, особенно начиная с 1916 г. У Н. А. Бердяева есть мудрая фраза: «Революция всегда говорит о том, что власть имеющие не исполнили своего назначения» (1990 [1923]).

Основной для того времени частью движущей силы, ведущей к потенциальному взрыву, при сложившихся обстоятельствах был

пролетариат, массовые протесты которого достигли небывалых масштабов: с июля 1914 г. по 28 февраля 1917 г. в России произошло более 5 тыс. стачек, в которых участвовали более 3 млн рабочих. Причиной 70 % экономических стачек в 1916 г. явилась низкая заработная плата, при этом их количество в этом году возросло в 14 раз по сравнению с 1915 г. Пик политических стачек пришёлся на 1916 – начало 1917 гг. Эти факты в литературе о революции 1917 г. начиная с 1990-х гг. ушли в тень.

После распада СССР такое направление в науке, как история массового протестного движения, было скомпрометировано (наряду с историей РСДРП / КПСС). Это ускорило релятивизацию аналитических результатов, достигнутых в данной области отечественной общественной мыслью. Происходило отторжение самих принципов массовости, солидарности, коллективности в истории; были забыты антивоенное содержание протестного движения и антинародная политика имперского правительства. Сжимаясь, как шагреновая кожа, история массового протестного движения в России в канун 1917 г. уступала место не только важным проблемам истории общества, но и туманным недомолвкам, сенсациям.

Б. Н. Миронов бросил в жернова дискуссий вопрос о достаточном в начале XX в. уровне жизни подданных Российской империи и усомнился в необходимости включать этот фактор в число «сколков» массового движения, приведших к падению монархии. «...Падение царизма явилось не столько результатом стихийного движения снизу, сколько результатом революции сверху», – пишет он (Миронов 2010, 665); к этому склоняется немало историков.

Правы те, кто считает, что «для объяснения причин Великой российской революции недостаточно “простых” конспирологических ответов, и, возможно, мы всё еще далеки от ответа на вопрос, как именно сработал ее спусковой механизм» (Петров 2017). Но, говоря о революции 1917 г., необходимо исходить из конкретно-исторических условий того периода российской истории со всеми без исключения его особенностями, включая забытую тему богатства и бедности.

Историография (еще советская!) давно преодолела ленинский тезис о «пауперизации масс». Но правильно ли, представляя революцию 1917 г. как «триумф бунтующей массы», сбрасывать со счетов существовавший в России в годы войны запредельный уровень эксплуатации труда в деревне и в городе по сравнению с другими воюющими странами? 15 млн работоспособного населения было мобилизовано на фронты Первой мировой войны, цели которой были не понятны широким народным массам, особенно на фоне растущего разрыва между богатством и бедностью.

Несмотря на значительные размеры капитала, вложенного в российскую промышленность в начале XX века (ещё до войны) и впоследствии удвоение его стоимости, экономический эффект был ничтожно мал: так, например, еще современники отмечали, что

производство главного продукта земледелия – зерновых хлебов – возросло всего на 1,7 % при увеличении населения на 21 %. Капитализм в сельском хозяйстве не устранял «задавленности, эксплуатации, нищеты масс», а создавал «эти бедствия в новом виде». Благодаря этому землевладельцы-монополисты набивали свои карманы миллиардами рублей.

Во время войны этот грабёж приобрёл особый размах. Имперское правительство для её продолжения нуждалось в деньгах и развивало контакты с толстосумами, умевшими их делать. Это происходило при насильственном подавлении интересов широких народных масс. Не для того ли перед войной миллионы людей в России были лишены избирательного права, чтобы они не могли влиять на решения Государственной думы, утверждавшей в числе прочего расходы на войну? Представители российской высшей власти были равнодушны к миллионам погибших и к страданиям своих соотечественников, которым война принесла неисчислимые бедствия. Их волновало только выполнение своих обязательств перед союзниками и продолжение войны.

Государство искало эффективные пути взаимодействия с предпринимателями для достижения качественного скачка в производстве вооружений. Однако успехи в этой области были сделаны за счет свертывания гражданского производства, деградации частного рынка, обеспечивавшего городское и сельское население.

Из воспоминаний той поры можно узнать о колоссальных сверхприбылях, которые получали на оборонных заказах миллионеры П. П. Рябушинский, А. И. Коновалов и другие промышленники-монополисты. Невиданный для России размах приобрело явление, которое мы бы сегодня назвали «воровством на госзакупках». В нем оказались замешаны высшие сановники и даже депутаты Думы. Размах злоупотреблений был таков, что генерал А. А. Маниковский язвительно назвал происходящее «крестовым походом на казенный сундук» (1937, 84).

Массовое протестное движение в России в канун 1917 г., как и в 1905 г., определялось такими факторами, как рынок труда, трудовые отношения, государственная политика, и выливалось (пусть архаично звучит словосочетание!) в классовые столкновения. Активные массовые протесты имели своей целью защиту наёмного труда, изменение существовавшего в экономике того времени баланса сил между протестовавшими и власть имущими, обогатившимися за их счёт.

Громадный социальный разрыв между богатством и бедностью стал особенно ощутим в период пребывания у власти Временного правительства. В отличие от ряда западных стран, которым удалось достичь компромисса между трудом и капиталом, ему от царского правительства досталась в наследство плохая система военно-экономического регулирования, в результате чего это правительство

вызывало недоверие у народа, как, впрочем, и рабочие, состоявшие в нереволюционных организациях.

В заключение стоит отметить, что нерешенные взаимоотношения между трудом и капиталом – один из ключевых моментов модернизации общества.

Библиография

- Бердяев, Н. 1990 [1923]. *Собрание сочинений*. Т. 4. Париж: YMCA-Press, 1990.
Дата обращения 15.05.2017.
<http://www.vehi.net/berdyaev/neraven/01.html>
- Колоницкий, Б. 2010. «Трагическая эротика»: *Образы императорской семьи в годы Первой мировой войны*. М.: Новое литературное обозрение.
- Маниковский, А. А. 1937. *Боевое снабжение русской армии в мировую войну*. М.: Государственное военное изд-во.
- Миронов, Б. Н. 2010. *Благосостояние населения и революции в имперской России: XVIII – начало XX века*. М.: Новый хронограф.
- Петров, Ю. А. 2017. Россия накануне Великой революции 1917 г.: современные историографические тенденции. *Российская история* 2: с. 3–16.

References

- Berdiaev, N. 1990 [1923]. *Sobranie sochinenii [A Collection of Works]*. Vol. 4. Paris: YMCA-Press. Accessed May 15, 2017.
<http://www.vehi.net/berdyaev/neraven/01.html>
- Kolonitskii, B. 2010. “*Tragicheskaia erotika*.” *Obrazy imperatorskoi sem'i v gody Pervoi mirovoi voiny [The “Tragic Erotica.” Images of the Emperor’s Family in the First World War]*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
- Manikovskii, A. A. 1937. *Boevoe snabzhenie russkoi armii v mirovuiu voynu [The Munition Supply in the Russian Army in the World War]*. M.: Gosudarstvennoe voennoe izd-vo.
- Mironov, B. N. 2010. *Blagosostoianie naseleniia i revoliutsii v imperskoi Rossii: XVIII – nachalo XX veka [The Prosperity of Population, and the Revolutions in Imperial Russia: The Eighteenth through Early Twentieth Centuries]*. Moscow: Novyi khronograf.
- Petrov, Iu. A. 2017. “Russia on the Eve of the Great Revolution of 1917: Recent Trends in Historiography.” *Rossiiskaia istoriia* 2: 3–16.

Об авторе

Ирина Михайловна Пушкарёва – ведущий научный сотрудник-консультант Института российской истории РАН, доктор исторических наук.